

Copyright © 2014 by Academic Publishing House *Researcher*



Published in the Russian Federation
Russkaya Starina
Has been issued since 1870.
ISSN: 2313-402X
E-ISSN: 2409-2118
Vol. 13, Is. 1, pp. 19-37, 2015

DOI: 10.13187/rs.2015.13.19
www.ejournal15.com



Articles and Statements

UDC 947

Kazakomanstvo. Don case (the 1860th). Part I

Alexey A. Volvenko

Taganrog institute of name A.P. Chekhov (branch)
Rostov state economic university (RINH), Russian Federation
PhD (History), Associate Professor
E-mail: avolvenko@mail.ru

Abstract

The article is analyzed the political situation on the territory of Donskoy`s army in the head of the 1860th years. The article is noted the contribution of Prince A.M. Dondukov-Korsakov in the formation of kazakomansky «party» on Don.

Keywords: The Don Cossacks; kazakomanstvo; Prince A.M. Dondukov-Korsakov; «A note about army Don»; «parties» on Don.

Введение

Слово «казакоман» или «казакоманство» сегодня имеет разнообразные смысловые оттенки и используется во многих областях знания и социальной практики, от литературоведения до фольк-истории и компьютерной игровой среды. В научной исторической литературе явление «казакоманства», как правило, рассматривается в контексте националистических настроений [1], сепаратистских тенденций и поиска идентичности среди казачества и «казакофильствующих» в широком хронологическом диапазоне от XIX в. до нач. XXI в. [2]. Если обобщить то немногое, что написано о «казакоманстве» как об «оппозиционном», «консервативном» движении отдельных представителей казачества II пол. XIX в. (т.е. времени появления и распространения, по крайней мере, в печатном виде самого слова), то под ним понимается некий общественный *отклик* на скрытое «рассказывание», который выражался разными способами – ностальгией по казачьим традициям и вольностям, всплеском казачьего патриотизма и «национальной» гордости, требованиями восстановления прежнего «естественного», сословного образа жизни казачества, путем сохранения и закрепления его «исконных» прав и привилегий.

Эти, в целом, верные наблюдения хотелось бы дополнить фактическим содержанием и соображениями уточняющего характера. Учитывая, что «казакоманство» может иметь специфику, зависящую от того или иного казачьего войска (например, его черноморская/кубанская вариация близкая к украинофильству или сибирская, не без влияния областничества), в статье будет разобран конкретный донской случай «казакоманства» нач. 1860-х гг.

Материалы и методы

Статья основана на разнообразных документальных и литературных источниках, в ней используются методы структурного анализа и системного подхода.

Обсуждения и результаты

Интерес к своей истории, обычаям и традициям является неотъемлемой частью донского казачьего самосознания. Продолав путь от примитивных форм саморефлексии к печатным произведениям на исторические темы [3], этот интерес в трудах первого казачьего историка В.Д. Сухорукова получает политическую подоплеку [4]. Процесс подготовки известного Положения 1835 г. сопровождался написанием различных исторических справок, а масштаб его содержания, регламентирующий практически все стороны жизни донского казачества, не мог не вызвать определенного *отношения* к нему как простого казачества, так и его «элиты». Это отношение не привело к формированию элементарного оппозиционного движения, имея вид слухов и сплетен, циркулирующих в казачьих станицах [5]. Единство мнения казаки-дворяне проявили лишь в адресе к Николаю I с просьбой открыть в Новочеркасске «высшее» военное училище, удовлетворенное весьма оригинальным способом [6]. Дворянский адрес стал своеобразным откликом на правительственную политику в области казачьего образования, точнее, на ее практическое отсутствие в дореформенный период в Земле войска Донского (далее – ЗвД). Здесь уместно привести слова начальника штаба войска Донского М.Н. Бердяева (1835–1839), кстати, не казачьего происхождения, который считал «ложным и несправедливым мнение некоторых, что казачьих дворян не следует отправлять в Университеты и другие высшие учебные заведения» [7]. Возможно, это «мнение» отражало, в том числе и опасение, открыто высказанное влиятельным военным министром А.И. Чернышевым, лично курировавшего подготовку Положения 1835 г., о том, что «между донскими чиновниками особенно зажиточными и имевшими власть в своих руках, кои с некоторого времени подстрекаются суждениями обучающихся в университетах, всегда замечались мысли на счет самостоятельности их отчизны» [8]. Недостаток образовательных учреждений вынуждал «прогрессивных» казаков отдавать своих детей в ближайшие частные пансионы Таганрога и Харькова. Получение же высшего образования квотировалось Военным министерством от 10 мест в нач. XIX в. до 30-ти в 1860-х гг. в Харьковском университете, «специализировавшемся» на казачьих воспитанниках. Всего на 1860 г. за пределами ЗвД в кадетских корпусах, коммерческих и иных училищах, институтах и медико-хирургической академии было выделено 129 вакансий на более чем 900 тыс. население края. По данным Н.И. Краснова, по соотношению количества обучающихся к общей численности населения (1 к 321), ЗвД к 1856 г. находилась на предпоследнем месте среди губерний и областей Европейской России. На 12 тыс. донских дворян такая пропорция составляла 1 к 12, а на 600 тыс. простых казаков, включая 20 тыс. калмыков, 1 к 400 [9]. Все это не способствовало формированию интеллектуальной казачьей среды, редкие университетские выпускники, к тому же обязанные военной службой после окончания вуза, растворялись в новочеркасском «светском» обществе, не говоря уже об окружном станичном [10]. По сведениям того же Н.И. Краснова, за первую половину XIX в. «не было в периодических изданиях и двадцати статей, принадлежащих местным литераторам», в которых бы освещались сюжеты из донской жизни [11]. Впрочем, столичное образованное общество по информированности в отношении донских дел, кажется, отличалось тем же. Бывший заместитель начальника Главного управления иррегулярных войск А.П. Чеботарев, долгое время служивший в Санкт-Петербурге, сообщает о таком весьма показательном примере светской беседы. В 1851 г. на одном из званых обедов известный журналист, публицист и филолог Н.И. Греч обратился к присутствующему за столом полковнику войска Донского со словами: «... А что-как теперь поживают на Дону? Начинают ли исчезать кочевья? Делает ли успехи христианская проповедь? И вообще показываются ли на Дону какие-нибудь начала европейской жизни?» [12].

Неверно, конечно, было бы утверждать, что в дореформенный период на Дону вовсе отсутствовало какое-либо интеллектуальное «брожение». Деятельность с 1839 г. местного Статистического комитета, ведение правильного делопроизводства, требовавшее подготовку «исторических» справок, появление и развитие первой газеты «Донских войсковых

ведомостей», частная переписка между образованными казаками, равнодушных к актуальным темам современной им жизни, все это, несомненно, уплотняло незримую идейную атмосферу, еще бесформенную и невнятную.

По единодушному мнению современников, в эпоху «великих реформ» ситуация с образованием на Дону заметно улучшилась [13], оживилась и местная общественная жизнь [14]. Подготовка отмены крепостного права заметно взбудоражила донское общество, правда, может быть не так сильно как в других губерниях, с большим количеством крепостных и более древними корнями белого рабства. Работа местного комитета по улучшению быта крепостных крестьян актуализировала земельный вопрос на Дону, затронув интересы казаков-помещиков. Практически параллельно с раскрепощением крестьян Военное министерство задумало «раскрепостить» и казаков. В середине 1862 г. донская администрация получила министерские «соображения», которыми должен был руководствоваться другой местный комитет, занимающийся разработкой проекта нового войскового положения. Основные пункты «соображений», а именно, утверждение частной собственности на землю, право свободного выхода из казачьего сословия, необязательность военной службы, отмена ограничений для иногородних в отношении собственности и передвижения в ЗвД, стали достоянием гласности. Обсуждение радикальных предложений министерства, вкупе с ожидаемыми последствиями отмены крепостного права разбудили общественное мнение на Дону. Впоследствии донские события нач. 1860-х гг. их современник А.А. Карасев, к которому мы еще вернемся, не без легкой иронии назовет «бунтом» [15].

В конце июля 1863 г. ЗвД посетил наследник престола Николай Александрович. Донская земля являлась одним из пунктов путешествия по России, специально организованного для наследника. Формально Николай Александрович прибыл на Дон для участия в торжественной церемонии возложения на него обязанностей Атамана всех казачьих войск, неформально - личное пребывание наследника среди казаков призвано было «умиротворить» последних, среди которых градус дискуссий по общественно-политическим вопросам достиг наивысшего предела [16]. В поездке по России наследника сопровождали его учителя – историк и статистик И.К. Бабет и юрист, будущий Обер-прокурор Святейшего Синода, К.П. Победоносцев. Свои путевые заметки (письма) они публиковали с июня по октябрь 1863 г. в «Московских ведомостях», а в 1864 г., слегка дополнив, издали отдельной книгой. В их интерпретации всплеск общественного мнения на Дону нач.1860-х г. выглядел следующим образом: ...голоса разделились по партиям, а партии, когда не имеют ни исторического ни сознательного основания, не хотят обыкновенно слушать и не в состоянии понять друг друга и разобраться в мнениях. Одни стали кричать, что надобно преобразовать все на новых началах и всякое злоупотребление исторгнуть с корнем; но и эти голоса не согласовывались между собою. Одни разумели под нововведениями и реформами применение к Войску Донскому всех тех учреждений, которые задуманы правительством для целой России; другие требовали переделки учреждений на тех началах, которые им самим, по мечтательному представлению казалось необходимо тотчас же водворить повсюду; третьи, домогаясь нововведений, указывали на те самые идеальные черты общественного устройства, которые противная партия отыскивала в истории вольного казачества, так что, ведя ожесточенный спор с противными голосами, в сущности сходились с ними в своих требованиях. Другая партия выступала не менее гордо со знаменем «старого казачества». Донское казачество, бесспорно, имеет свою славную историю и свои исторические особенности быта, которые отрицать и насиловать невозможно, точно также как невозможно отрицать индивидуальный характер каждой личности; но на этот раз пылкие приверженцы псевдо-исторической идеи Дона, построили эту идею не по действительной истории, а по тем мечтательным началам, которые воображение показало и расписало им яркими красками в истории старого казачества. С этим идеалом соединили понятие об исключительности и замкнутости быта на Дону и старались возвестить на высоту начала подозрительное ко всем посторонним, т.е. к так называемым «иногородним»... Умы разгорячились, заволновалась неопытная молодежь, и вместе с нею, под влиянием сплетен о замышляемых будто бы коренных реформах на Дону, заволновались и некоторые из старых – одни из смутного опасения новостей, другие – из эгоистического стремления к консерватизму во всем, что для них самих выгодно. А тут еще в

добавок с берегов Невы донесли до Дона ребяческие мечты и сказки о самостоятельности всякого рода племен в русском государстве, об автономии языка и учреждений, о федеративном начале и т.п... Донские Ведомости наполнились...статьями, в которых обе партии высказывали свои взгляды по вопросам об истории Дона и о местных учреждениях... Вся эта полемика... смущала умы впрочем только на поверхности общества, и народу не было до нее никакого дела» [17].

Из приведенного отрывка напрашиваются следующие выводы. Во-первых, авторы книги, весьма близкие к властным кругам, открыто обнажили и признали наличие проблемы обсуждения донским казачеством действий правительства, своей истории, проявив уверенность в ее потенциальной исчерпанности. Во-вторых, способ описания проблемы, расставленные акценты, а также употребляемые слова и выражения – «партии» (с отсутствием единства во мнениях), «идеальные черты общественного устройства», «знамя старого казачества», «псевдо-историческая идея Дона», «воображение пылкой, но неопытной молодежи», «самостоятельность племен», «автономия языка и учреждений», «федеративное начало», «полемика» в местной газете, - вполне укладываются в стандартный набор «националистического дискурса», который ищет или которым оперирует современный историк.

Оставив вопрос об информаторах Бабста и Победоносцева, а так же о полноте и достоверности представленной ими картины открытым для анализа, обратимся к первой задаче нашего исследования: каким образом на Дону появились «партии», кто генерировал этот процесс.

*«"пробуждение" вовсе не обязательно
приходит изнутри, —
часто его приносят пришельцы» [18]*

А.М. Дондуков-Корсаков и его «Записка о войске Донском»

В начале 1859 г. на Дон в распоряжение войскового наказного атамана (далее – в.н.а.) М.Г. Хомутова прибыл бывший командир нижегородского драгунского полка 39-летний генерал-майор кн. Александр Михайлович Дондуков-Корсаков. В воспоминаниях Д.А. Милютина именно Дондукову-Корсакову отведена главная роль в образовании казачьей «партии» [19]. После окончания в 1841 г. юридического факультета Санкт-Петербургского университета А.М. Дондуков-Корсаков, старший сын М.А. Дондукова-Корсакова – вице-президента Академии наук и попечителя Санкт-Петербургского учебного округа, сознательно выбрал военную службу и карьеру. Недолго прослужив в столице, Дондуков-Корсаков в 1844 г. отправляется покорять Кавказ. Поступив адъютантом к наместнику Кавказа М.С. Воронцову, Дондуков-Корсаков, не избегая личного участия в сражениях, последовательно продвигаясь в чинах, в 1855 г. получает в командование нижегородский драгунский полк, с которым Крымскую войну проводит на Кавказском театре боевых действий. Однако в конце 1858 г. из-за конфликта с начальником левого фланга Кавказской линии Н.И. Евдокимовым Дондуков-Корсаков оставляет полк и вскоре оказывается в войске Донском. О причинах появления Дондукова-Корсакова на Дону и по чьей протекции он получает должность начальника войскового штаба можно только догадываться. Возможно, к этому назначению причастен начальник штаба корпуса жандармов и управляющий третьим отделением С. Е.И.В канцелярии А.Е. Тимашев, близкий друг и товарищ Дондукова-Корсакова [20]. В жандармское управление, несомненно, поступала информация о финансовых злоупотреблениях в донской администрации и, возможно, лично атамана, имеющего больше свободы перед гражданскими губернаторами в распоряжении войсковым бюджетом, считавшегося в сер. XIX в. «войсковой казачьей собственностью» и формируемого практически полностью из поступлений от питейных сборов, с которыми молва традиционно связывала различные махинации [21]. Думается, что в преддверии строительства на Дону Грушевской железной дороги (окончательное решение о строительстве принято 18 декабря 1860 г.) за счет войсковых средств, государственные, ведомственные, а может быть, и личные интересы требовали присутствия в ЗвД «своего» человека. Дондуков-Корсаков вполне подходил на эту роль. Он имел репутацию боевого офицера, содержавшего в отличном порядке вверенный ему полк и не побоявшегося, в числе немногих, открыто порицать Н.И. Евдокимова за

присвоение казенных денег [22]. Согласиться продолжить теперь уже административную карьеру на Дону Дондукова-Корсакова могли подвигнуть и следующие обстоятельства. Благополучие семьи Тимашевых, по крайней мере имущественное, покоилось на обширных владениях отца – Е.Н. Тимашева, бывшего атамана Оренбургского казачьего войска. На этом фоне положение в родовом отцовском имении Дондукова-Корсакова оставляло желать лучшего [23]. Оказавшись в ЗвД, в подчинении 64 летнего М.Г. Хомутова, чей атаманский срок (с 1848 г.) явно клонился к закату, Дондуков-Корсаков получал шанс побороться за атаманскую власть, сулящую стабильное, безбедное и почетное существование. Будущие события с участием князя косвенно свидетельствуют в пользу наших предположений о финансовой подоплеке и роли Тимашева в новом назначении. Первые шаги Дондукова-Корсакова как донского чиновника имели четко выраженную антикоррупционную направленность [24]. В начавшемся строительстве железной дороги он принял самое энергичное участие, от кадровых вопросов до заключения подрядных договоров [25]. Наконец, именно А.Е. Тимашев в 1868 г., уже в качестве министра внутренних дел, способствовал новому старту политической карьеры Дондукова-Корсакова, рекомендовав его на пост киевского генерал-губернатора [26] и вернув, таким образом, из отставки, полученной в 1863 г.

Прибытие А.М. Дондукова-Корсакова вместе с семьей в Новочеркасск стало заметным событием для провинциального чиновничьего мира. По словам А.А. Карасева: «Всегда и для всех доступный, остроумный и разговорчивый, князь как бы внес в местное общество новую жизнь, освежил его, вызывая на размышления и разговоры о таких предметах, которые до того обсуждались только в канцеляриях и деловых кабинетах, и притом в узких рамках времен дореформенных» [27]. Несмотря на явную симпатию к Дондукову-Корсакову Карасева (в то время молодого чиновника войсковой администрации), в его утверждении о том, что «простой, деликатный, разговорчивый князь скоро обворожил всех, начиная от представителей тогдашнего новочеркасского общества и кончая последним чиновником», все-таки больше правды, чем преувеличения. Действительно Дондуков-Корсаков был яркой, притягательной, харизматичной в полном смысле этого слова личностью с биографией, которая не могла не понравиться казакам, по крайней мере, некоторым из них. Университетское образование князя в сочетании с его боевой «характеристикой», неоднократными ранениями и подвигом при спасении 2-х орудий Донской №7 батареи в сражении при Кюрук-Дара (1854) Крымской войны выглядели привлекательными в глазах представителей от разных слоев казачества. Аристократическое происхождение Дондукова-Корсакова, обладателя широким кругозором путешественника, побывавшего в большей части европейских стран, а также в Персии, Азиатской Турции и Марокко, дополнялось его калмыцкими родовыми корнями, переплетающимися с донской историей [28]. Таким образом, князь мог надеяться на репутацию более или менее «своего» человека среди казаков, что было важно из-за широко известного настороженно-негативного настроения казачества к «чужим» назначенцам на ключевые должности в войске [29]. Наконец, психологические свойства характера Дондукова-Корсакова, правда, с его слов, но подтверждаемые современниками, такие как «горячность», «необузданность», «неумеренность в речах и суждениях», «находчивость и постоянный веселый нрав», склонность к «кутежам и предприятиям» [30], практически, не оставляли места для равнодушного к ним отношения [31]. А если к этому добавить мнение генерала П.Д. Зотова, знавшего князя по Кавказской войне: «Дондуков как начальник – великолепная личность, его всегда подчиненные любили, но горе тому, кто поставлен с Дондуковым в служебные отношения, даже равноправные: ложь, клевета, интриги – все будет пущено в ход, чтобы, что называется, подставить ножку...» [32], то с приездом Дондукова-Корсакова для войска Донского и его атамана, действительно, открывалась «новая жизнь».

А.А. Карасев в своей небольшой статье «Бунт на Дону» пишет о формировании двух противостоящих друг другу лагерей: первый, состоящий из более многочисленных сторонников Дондукова-Корсакова и второй – из находящихся в меньшинстве поддерживающих действующего атамана Хомутова, а также о росте слухов о будущем назначении князя войсковым атаманом [33]. Мобилизовать своих приверженцев Дондуков-Корсаков мог за счет эксплуатации идеи о коррупционном характере сложившейся системы управления, обсуждения наиболее актуальных проблем развития донского края и личного

активного участия в их разрешении. Так, темы для публичного порицания «темных» сторон деятельности войсковой администрации и отдельных лиц подбрасывала рукописная газета «Будильник», с 1860 г. распространявшаяся в Новочеркасске по почте [34]. Получив членство в войсковом статистическом комитете, Дондуков-Корсаков, склонный к литературной деятельности, мог теснее приобщиться к донской истории и войти в доверие к местным краоведам. Играя не последнюю роль в подготовке отмены крепостного права на Дону, Дондуков-Корсаков вынужден был внятно обозначить свою позицию по самому важному и болезненному вопросу для казачества – земельному. Находясь в январе 1861 г. в Петербурге, князь высказался на заседании Военного совета против предоставления донским помещикам права продажи своей земли иногородним [35]. Осознанно или не осознанно, но Дондуков-Корсаков уже тогда выступил против наметившейся тенденции изменения правительственной политики в отношении казачества [36].

Отголосок программы казачьих реформ, готовившейся в недрах Военного министерства, проявился в статье «По поводу открытия комитетов для пересмотра положений в казачьих войсках», помещенной в январской книжке «Военного сборника» за 1861 год. Ее автор – наказной атаман Уральского казачьего войска А.Д. Столыпин, скрывавшийся под псевдонимом «Ст.», допустил в статье такой весьма выразительный пассаж: «...если обстоятельства, родившие казачество, миновались, казачество должно пасть..., а то, что должно пасть, не следует поддерживать искусственными средствами. Донское войско есть аномалия, потому что расположено внутри Империи; оно же родилось от необходимости оберегать границы оной. Все эти выводы, на первый взгляд, кажутся логичными; скажу более: они, в последнее время, встретили много сторонников между почтенными специалистами в военном деле».

Поспешив отмежеваться от подобного мнения, А.Д. Столыпин, тем не менее, заявил, что «казачество нужно России не как сословие, а как оружие». Развивая эту идею далее, Столыпин предложил членам местных комитетов «проникнуться мыслью, что точно так, как *казачеству как оружию* местная национальность и иррегулярность – необходимые жизненные условия, *казачеству как сословию* – они вредны; гражданское управление казаками в противоположность от военного должно быть основано на научных истинах, на обще-человечных началах и на строгой регулярности» [37]. Несмотря на то, что правило «обязательной подписки («Военного сборника» – В.А.) для всех штабов, начиная со штабов отдельных батальонов» распространялось и на войско Донское [38], ведомственный журнал Военного министерства, не числился популярным среди периодических изданий, выписываемых в Новочеркасске частным путем [39]. Возможно, это обстоятельство, а также отсутствие на нач.1861 г. внятной программы казачьих реформ не дали донскому обществу информационного повода для активного обсуждения в течение почти всего «освободительного» года, по крайней мере, открыто и публично, озвученных Столыпиным радикальных идей или каких-либо других «провокационных» предложений. Слухи же, циркулирующие вокруг деятельности местного комитета по пересмотру войскового положения, открытого еще в феврале 1860 г., судя по всему, были весьма неопределенными [40]. Относительное «спокойствие» в Новочеркасском обществе в первой половине 1861 года констатировал и находящийся в это время в казачьей столице штаб-офицер для особых поручений при начальнике УИВ полковник И.Д. Попко, один из будущих архитекторов, а затем и активных популяризаторов казачьих реформ [41]. Между тем, 30 августа 1861 г. А.М. Дондуков-Корсаков получил чин генерал-лейтенанта. Как утверждает А.А. Карасев, повышение в звании произошло «в непопозданное для казачьих наград время..., без всякого ходатайства со стороны атамана», вследствие чего «на Дону еще более укрепилось убеждение, что князь Дондуков делается Донским атаманом и, при том, очень скоро» [42]. Удобным предлогом для этого мог стать 50-летний юбилей офицерской службы М.Г. Хомутова, намеченный на август 1862 г.

В начале осени 1861 г. А.М. Дондуков-Корсаков гостил в имении своего отца в с. Глубокое Псковской губернии. Во время конной прогулки под ним неожиданно упала лошадь, сильно повредив ребра и внутренние органы Александра Михайловича. Сам князь это происшествие напрямую связывал с тем, что обычно называют «божьем провидением» [43]. В его воспоминаниях дальнейшие 4 месяца выглядели следующим образом: «сначала в деревне, а потом с трудом перевезенный в Петербург, я был постоянно между жизнью и

смертью... созванные на консилиум первые знаменитости Петербурга не допускали благоприятного исхода» [44]. И только «железная натура» князя и врачебное искусство семейного доктора помогли преодолеть болезнь. Однако именно в этот период появляется «Записка о войске Донском», адресованная военному министру Д.А. Милютину, подписанная А.М. Дондуковым-Корсаковым и датированная 3 декабря 1861 г. [45]. По собственному признанию автора записки, ее содержание привело его к скорой отставке и длительному перерыву в карьере [46]. Для казакоманского же движения записка превратится в своеобразный манифест. Впоследствии, озвученные в ней идеи, станут темами для печатных дискуссий и, возможно, устных дебатов, в которых детализировались и оттачивались «казакоманские» ценности и убеждения.

«Записка» начинается с небольшого вступления. В нем Дондуков-Корсаков отмечает, что «общие преобразования... отчасти должны коснуться и до казачьих войск империи», в связи с чем, у правительства должны быть «беспристрастные и правдивые данные», благодаря которым ему будет легче «угадать и удовлетворить насущные народные нужды». Собственно, для этого князь и составил записку, предупредив, что она содержит «слишком смелые выражения». Для «ясности изложения» Дондуков-Корсаков разделяет записку на три отдела: «основные начала казачества на Дону», «настоящие потребности войска Донского», «главные особенности войска Донского».

По его мнению, «главные начала казачества в Войске Донском основаны на трех существенных принципах: 1) на поземельном начале; 2) на замкнутости войска и 3) на выборном начале и других особенных правах самоуправления войска». Дондуков-Корсаков считает, что «все земли войска составляют войсковую собственность» в той или иной форме. И даже земли местных помещиков, находящиеся в их полной собственности, тем не менее, могут быть «отчуждаемы продажею только лицам войскового сословия». Несмотря на «странность и несовременность» такого порядка, князь оправдывает ограничение помещичьего права собственности следующим пассажем: «Автономия каждой страны несомненно основана на поземельном начале. Продажа земель иногородним ввела бы в войско новый, независимый от его учреждений, элемент, испестрила бы... карту Войска Донского владениями чуждых его сословию граждан». Сравнивая такое ограничение земельного права помещика с майоратом, Дондуков-Корсаков предлагает распространить его и на бывших крепостных донских крестьян, которые по завершению выкупной сделки получали бы право продавать свои земельные участки любому лицу, в том числе, иногороднему.

Принцип замкнутости, как считает князь, заключается «в запрещении выписываться из войска и свободно записываться в него». Констатируя существующую противоположность мнений «о несовременности, несообразности особой касты в государстве, Китайской стены и пр.», Дондуков-Корсаков утверждает, что «вся масса казачьего сословия твердо и упорно держится этого основного начала», за исключением лишь «некоторого числа молодого поколения помещиков и зажиточных казаков торгового общества». По мнению Дондукова-Корсакова, только Войско Донское, вместе с бывшим Черноморским, имеет свою «историю», «воспоминания» и «заслуги», которые позволяют казаку гордиться «своим военным значением». Более того, «как гражданин, каждый простой казак считает себя... несравненно выше всех прочих податных сословий России». Объяснение этому князь находит в существовании на Дону «выборного начала и других либеральных прав», в «материальном благосостоянии казака», в казачьей «любопытности и жажде образования», в знакомстве казаков в силу географии службы «с другими элементами жизни», в развитом у казака «чувстве личного достоинства и самостоятельности». В связи с этим Дондуков-Корсаков предупреждает, что «приписка нового иногороднего элемента, всегда будет встречена казаками с крайним неудовольствием, может даже быть и с гласным ропотом», а из-за, свойственного казакам, «недоверия и подозрительности» «подобная мера непременно заставит их опасаться за прочность существования самого войска и возбудит недоброжелательство к правительству».

«Выборное начало» Дондуков-Корсаков относит к «одному из существенных прав Войска Донского» и указывает на масштаб его распространения: от функционирования станичного круга до выборов чиновников Войскового Правления и даже окружных генералов, занимающихся исключительно военными вопросами. Затем, князь переходит к

перечислению других казачьих «прав» (ловля рыбы, добыча соли на Манычских озерах и т.д.), особо выделяя «главную привилегию» донского казачества – иметь «отдельную от государственной (казны – В.А.) войсковую казну и составлять собственный бюджет». После слов о том, что «три начала казачества на Дону» подтверждаются царскими грамотами «при вступлении каждого Императора на Престол», в которых «между прочим, упоминается о сохранении неприкосновенности земель и прочих преимуществ Донского войска», Дондуков-Корсаков подводит промежуточные итоги по первому отделу записки. Начинает он с констатации факта существования «в последнее время» в литературе и в сферах высшего управления «мысли быть или не быть казачеству». Затем с «сожалением» пишет о том, что многие предпринимаемые «правительственные меры не соответствовали цели сохранения казачества». Причины этого князь видит в «централизации в Петербурге, поглощающей все местные интересы и вопросы казачьих войск». Вновь упомянув о казачьем «раздражении» властными распоряжениями, Дондуков-Корсаков высказывает свое личное убеждение о «рановременности» и «опасности» «всякого изменения правительством основных начал войска», о невозможности «без некоторого риска, уничтожить в народе его исторические воспоминания, его вековые обычаи и преимущества, составляющие его гордость и благосостояние».

Второй отдел записки представляет собой список «потребностей» Войска Донского, удовлетворение которых, по мнению князя, будет встречено казаками «с глубоким чувством признательности». К таким потребностям Дондуков-Корсаков относит: 1) «распространение средств к образованию молодого казачьего поколения», т.к. медленное развитие этой сферы «рождает неосновательный слух, что правительство имеет цель приостанавливать образование казаков»; 2) строительство путей сообщения, в том числе, железных дорог; 3) повышение жалования войсковым чиновникам; 4) присвоение права выхода из казачьего сословия «воспитанникам специальных заведений» (видимо, Дондуков-Корсаков имел в виду высшие учебные заведения – В.А.), кроме закончивших курсы Артиллерийского училища; 5) уничтожение монополии местного торгового общества за счет допуска на Дон на определенных условиях иногородних, а также предоставления казакам торгового общества «гильдейских или других гражданских прав с избавлением... от военной зависимости». Две другие потребности князь изложил не в виде готового решения, а в качестве вопросов, требующих безотлагательного обсуждения, а именно: назначение офицерам Войска Донского «пожизненных поземельных участков»; положение льготных казаков по возвращении их со службы, а также подготовка казачьих «малолеток» к военной обязанности.

Третий заключительный отдел записки Дондуков-Корсаков начинает с упоминания вновь факта обладания Войском Донским «своей истории». Но теперь он акцент делает на том, что «воспоминания о прежней самобытности Донских казаков значительно изглажены многолетним слиянием их с Россией». После чего, ссылаясь на объем записки, князь оставляет эту тему и переходит к описанию донского дворянства, которое является «особенностью, не встречающейся в других казачьих войсках Империи». Дондуков-Корсаков разделяет местных дворян на две группы: родовые («самая образованная») и дворяне личные (казаки, получившие это звание с производством в офицерский чин). По его мнению, «гражданская связь, существовавшая между дворянами, офицерами и казаками» была нарушена переселением дворянских поместий на свободные войсковые земли, в Миусский и Донецкий округа. Эта мера «разрознила совершенно интересы сословий; вселила даже... неприязненные между ними отношения». Тем не менее, значительное большинство дворян родовых и все почти личные дворяне «твердо и крепко держаться принципа казачества» и только «меньшая часть дворянства... остается равнодушна к общим интересам массы». Однако, как считает князь, именно из «мнений этого меньшинства» в Петербурге и формируется «понятие о казаках и потребностях Войска».

Для Дондукова-Корсакова «географическое положение Донского края и род службы донских казаков» также являются «особенностью войска». Под географическим положением князь понимает внутренний, не пограничный статус ЗвД, который дает возможность «пользоваться всеми выгодами гражданской жизни». В тоже время принятый на Дону порядок формирования полков позволяет «по первому призыву правительства»

выставить требуемое количество военных частей. Дондуков-Корсаков не обходит вниманием и существующее мнение, «что донские казаки в армии не соответствуют своему назначению». Оно «отрицает даже неотъемлемые в них военные достоинства иррегулярной легкой кавалерии». Князь признает, что «воззрение это не лишено некоторой основательности...», но причины его видит в неправильном использовании армейским командованием донских казачьих полков, находящихся в их распоряжении.

В заключение записки, Дондуков-Корсаков делает упор на государственную пользу от использования донского казачества. По его словам, донские казаки это «огромный и неоцененный кавалерийский резерв с отличнейшею во всех отношениях артиллерией», формирование которого к тому же «ничего не стоит правительству». Князь считает, что власть должна ценить войско Донское особенно «в настоящее время более чем когда-либо» из-за «священной преданности донских казаков Государю».

Детальный источниковедческий анализ записки Дондукова-Корсакова требует специального исследования. В рамках нашей же темы ограничимся выделением тех знаковых смысловых акцентов, расставленных князем в записке, которые, как нам кажется, повлияли явно или опосредовано на дальнейшие события, а также на содержание публичных (печатных) дискуссий, развернувшихся в 1862–1863 гг. Это – войсковая собственность на землю, казачья замкнутость, обладание Войском Донским своей «историей», «воспоминаниями» и «заслугами», правительственная политика, «не соответствующая цели сохранения казачества», негативная казачья реакция на любые попытки изменения его статус-кво.

Что же подтолкнуло князя, вероятно, до конца еще не победившего болезнь, взяться за перо? Исторический контекст появления записки вкратце таков. На осень 1861 г. приходится бюрократическое проектирование основных положений будущей программы казачьих реформ. В общих чертах она сначала найдет отражение в известном высочайшем докладе Д.А. Милютина от 15 января 1862 г., а в окончательном и полном виде предстанет в уже упомянутых нами ранее министерских «соображениях», полученных войсковыми администрациями в сер. 1862 г. Согласно подготовленным в недрах Военного министерства документам, в казачьих войсках планировалось уделить большее внимание «гражданскому» развитию казачества, отменить для него обязательную военную службу, обеспечить юридическую основу для свободного входа и выхода из казачьего сословия, допустить в казачьих краях «личную поземельную собственность», в том числе и для иногородних, которым намечалось предоставить право свободного поселения в пределах казачьих территорий и пр. [47]. Однако сам по себе информационный фон или повод не раскрывает мотивов написания Дондуковым-Корсаковым записки, но объясняет осведомленность князя о векторе казачьей правительственной политики. По словам первого публикатора записки А.А. Карасева, напомним, современника событий, то ли «казакоманская волна увлекла князя на свою сторону, или же он до знакомства с нею, убедился в необходимости не касаться главных устоев существования Донских казаков; имела ли влияние на его убеждения какая-либо эгоистическая подкладка, – сказать трудно» [48]. Имеющийся на сегодня в нашем распоряжении круг источников также не позволяет уверенно ответить на вопрос: зачем понадобилось Дондукову-Корсакову, находившемуся почти в зените своей карьеры и ожидавшего атаманской должности, выступить, по сути, с критикой Военного министерства, ясно обозначив свою позицию по планируемым реформам. Возможно, темперамент и несдержанность в поступках, усугубленные болезнью, подтолкнули князя на опрометчивое, как оказалось, решение. Наличие излишней уверенности, что ему удастся убедить недавно вступившего в должность министра, к тому же такого же «кавказца», как и он, Д.А. Милютин пересмотреть принципы казачьей политики, а в случае неудачи списать свои идеи на болезнь, могли также мотивировать Дондукова-Корсакова на составление записки. К этому добавим предположение об ощущении князем туманных перспектив возвращения к активной административной жизни из-за полученной травмы в момент непосредственного написания записки, что в некоторой степени оправдывает ее критическое содержание. Нельзя также исключать и определенный сакральный смысл в появлении записки. Дондуков-Корсаков вполне мог взять на себя внутреннее обязательство, в случае выздоровления, в качестве благодарности вступить в защиту традиционных ценностей донского казачества, известных охранителей православия. На этом догадки вряд

ли кончатся, а впечатление, что во всем виновата лошадь, может вообще стать доминирующим. Но в нашем случае скорее важны не причины появления записки, а ее значение в последующих событиях. Известно, что Дондуков-Корсаков в личной беседе с Д.А. Милютиным обсудил предложения и «опасения», высказанные в записке [49]. Князь не только не нашел поддержки со стороны министра, но этот разговор стал отправной точкой в их дальнейшем идейном противостоянии в казачьем вопросе. Оправившись от болезни, Дондуков-Корсаков в нач. 1862 г. возвращается на Дон. По словам строителя Грушевской железной дороги, инженера В.А. Панаева, беспощадного критика Дондукова-Корсакова и апологета атамана М.Г. Хомутова, «секретная записка была переписана во многих экземплярах и распространена между простым казачеством, и там распространился слух, что казаков хотят обратить в государственных крестьян» [50]. Других источников, подтверждающих копирование и распространение записки, нами обнаружено не было. Ее публикатор А.А. Карасев ограничился утверждением, что «записка... есть отражение мыслей большинства тогдашнего донского населения» [51]. Однако факт наличия у него текста записки, абсолютно идентичного с оригинальным текстом, а также хранящаяся в Государственном архиве Ростовской области ее копия [52], косвенно, но, как нам кажется, довольно убедительно свидетельствуют, если не о широкой известности записки, то о неоднократном ее переписывании, уж точно [53]. Таким образом, можно предположить, что Дондуков-Корсаков осознав, что конфликт с военным министром может привести к негативным последствиям, например, затормозить продвижение по карьерной лестнице, решил доказать правильность своих мыслей. Легче всего это было бы сделать, эксплуатируя идею казачьего недовольства любыми изменениями своих «основ», рефреном звучащую в записке. Как первый шаг в этом направлении как раз и следует рассматривать возможное придание Дондуковым-Корсаковым огласки записки в надежде на предсказанную им реакцию.

«Правительство думает, что на Дону образовались какие-то партии...»

И реакция действительно наступила. Правда, князь предпочел ответственность за нее переложить на другие плечи. Вот как запечатлены события на Дону с июня 1862 по январь 1863 гг. в источниках личного происхождения, относящихся к Дондукову-Корсакову [54]. Одновременно с отъездом М.Г. Хомутова в Санкт-Петербург в Новочеркасск поступили министерские «соображения», содержащие общий план казачьих реформ. Здесь необходимо напомнить, что атаман уезжал в столицу на празднование своего 50-летнего юбилея военной службы, уже написав прошение о своей отставке, а попавший на Дон документ – это неоднократно упоминаемая нами программа казачьих преобразований. По мнению Дондукова-Корсакова, именно «соображения» вызвали в станицах «много толков», и казаки оказались «встревожены, что коснулись поземельного начала и выражена мысль о продаже иногородним войсковых земель». Князь принял решение на первых порах не придавать слухам «официального характера» и через окружные сыскные начальства, а также лично в Новочеркасске в частных разговорах «объяснять, что «соображения» написаны не для одного только войска Донского, и правительство желает блага войску». Сам же Дондуков-Корсаков как исполняющий обязанности в.н.а. подготовил обязательный ответ от лица местной администрации на предполагаемые в «соображениях» реформы. В этих заметках князь пошел на существенное отступление от ранее высказанных в записке идей, например, в части выхода из казачьего сословия, обязательности военной службы и особенно в земельном вопросе [55], таким образом, проявив некоторую «политическую» гибкость. Дондуков-Корсаков упоминает об обеде, данном в его честь в Новочеркасске, на котором присутствовало до 200 человек. О содержании всех речей, произнесенных во время застолья, князь сообщил М.Г. Хомутову, «чтобы не довели до Вас и до Санкт-Петербурга обстоятельства в искаженном виде». Как утверждает князь, свою ответную речь он закончил следующим пассажем: «Пусть доверие Ваше к Государю послужит Вам лучшим ручательством, что правительство имеет в виду одно благо Ваше. Если возбужденные Министерством вопросы могли потревожить Вас, то предоставлено Вам же самим обсудить их». К этому добавим, что такие слова без всяких объяснений со стороны князя ясно указывают на реальное содержание и градус, ведущихся за столом бесед, подогретых, как и бывает положено в таких случаях, горячительными напитками. В середине августа Дондуков-Корсаков констатирует ширящиеся «толки и слухи» и массовую инициативу

«довести каким-либо законным и ускоренным путем до сведения правительства свои пожелания». По этому поводу к князю специально приезжал из Старочеркаска отец Григорий Левицкий (Левитский), влиятельный и авторитетный священник, настоятель (протоирей) Воскресенского собора [56]. Он сообщил Дондукову-Корсакову о беспокойствах в станицах. Вероятно, результатом беседы стало следующее княжеское предложение, переданное Хомутову: «по случаю 1000-летия России... дать рескрипт войску Донскому и в нем упомянуть о сохранении поземельного начала». 30 августа М.Г. Хомутов получил отставку с одновременным производством в члены Государственного совета. Только 12 сентября войсковым наказным атаманом был назначен 72-летний герой Кавказской войны с декабристским прошлым генерал-адъютант П.Х. Граббе. Это назначение, по мнению Дондукова-Корсакова, «успокоило умы» на Дону. Осенью 1862 г. Военным министерством был поставлен вопрос о смене начальника штаба войска Донского. Дондукову-Корсакову предложили должность начальника 4-й кавалерийской дивизии. Однако он отказался ее занимать и написал рапорт об отставке, которую Александр II заменил на бессрочный отпуск. В конфиденциальном письме к Д.А. Милютину князь еще раз упрекнул министра в «ошибочности видения самого (донского) дела», а отставку объяснил «неодобрением» со стороны Милютина своих действий. 16 февраля 1863 г. Дондуков-Корсаков покинул Донскую землю в сопровождении генерал-адъютанта графа Ф.В. Орлова-Денисова, ранее присланного в Новочеркасск специально для наблюдения за отъездом князя [57].

Содержание, изложенных Дондуковым-Корсаковым событий, в интерпретации виновника его отставки военного министра, выглядит несколько иначе. В своих воспоминаниях за 1860–1862 гг., составленных в нач. 1880-х гг., Д.А. Милютин писал: «Заискывая популярности в среде казаков, князь образовал около себя партию, которая, под видом охранения старинных казачьих привилегий и обычаев, оказывала сопротивление всем предпринимаемым Военным министерством нововведениям. Все, что клонилось к развитию в Донской области гражданственности, промышленности, к сближению административного устройства с общими учреждениями государственными, - встречало на Дону оппозицию. Начальник штаба вместо разъяснения настоящих целей нововведений, вместо содействия приведению их в исполнение, сам громче всех порицал получаемые из Петербурга распоряжения и возбуждал между казаками превратные толки о воображаемых намерениях правительства вести к уничтожению казачества» [58].

Упомянутый нами инженер-путеец В.А. Панаев в своих записках, также написанных гораздо позже 60-х гг. XIX в., раскрывает иные грани дондуковского рассказа. Так, по его мнению, адъютанты и чиновники для особых поручений, разосланные Дондуковым-Корсаковым по войску для успокоения, «впрочем, не волновавшегося казачества..., главным образом и разнесли то, чего простое казачество не могло и знать». После отъезда Хомутова к Дондукову-Корсакову потянулись депутации от станиц. Принимал князь их торжественно, по воскресеньям «объявляя им, чтобы они были покойны и что, пока он будет на Дону, не допустит преобразований, а на другой день доносил об этих депутациях, говоря, что он успокаивает их». В изложении Панаева, обедов в честь Дондукова-Корсакова было дано два. На первом, еще до представления Граббе, князь заявил, что если не будет назначен атаманом, то не останется начальником штаба. Второй обед был дан накануне приезда нового атамана для того, чтобы князь «имел приличный повод отказаться от своих слов». Граббе, оказавшись на Дону, по словам Панаева, сразу же попал под «вредное влияние» Дондукова-Корсакова [59].

И Милютин, и Панаев, вспоминая о событиях нач. 1860-х гг. на Дону, имели весьма пристрастный взгляд на роль и деятельность Дондукова-Корсакова. Над Панаевым довели дружеские отношения с Хомутовым и его убежденность в том, что на Дондукове-Корсакове лежит персональная ответственность за возникающие из-за казачьего недовольства проблемы в строительстве железной дороги [60]. Милютин в своем изложении, помимо памяти, которая весьма вероятно вмещала в себя устные свидетельства различных информаторов (в том числе, и Панаева) о положении дел на Дону, однозначно основывался на документах, поступавших в Военное министерство и отложившихся в его личном архиве. В Отделе рукописей Российской государственной библиотеки в фонде Д.А. Милютина хранятся документы непосредственных очевидцев донских событий нач. 1860-х гг.

Почти нет сомнений, что среди источников мемуарного вдохновения министра были находящиеся в фонде – записка Н.В. Мезенцева и письмо донского уроженца С.С. Робуша к М.Г. Хомутову.

Будущий шеф жандармов флигель-адъютант императора полковник Н.В. Мезенцев оказался на Дону в нач. 1863 г. по Высочайшему повелению для надзора над ходом рекрутского набора среди местного крестьянского населения. Этот формальный повод скрывал истинные причины нахождения Мезенцева на Дону – прощупывание настроения донского общества, проверка его лояльности престолу. Важность миссии полковника еще более возросла на фоне поднявшегося 10 (22) января 1863 г. восстания в Польше. В записке, составленной Мезенцевым в Новочеркасске 1 марта 1863 г., подводятся промежуточные итоги его почти двухмесячных наблюдений. По мнению Мезенцева, присланные на Дон министерские соображения, «разделили мыслящее донское население на 2 партии». Первая партия имеет большое количество сторонников. Ее приверженцы «образованы», но обладают «односторонним взглядом», исповедуя «замкнутость» войска. Этой партии «сочувствуют в староверческом многочисленном населении, доказательством коего могут служить, хотя незначительные, но бывшие прошедшим летом в некоторых станицах волнения». Мезенцев констатирует, что «слабое брожение умов продолжается» из-за общего духа недоверия, усугубленного «действиями одного известного административного лица» (здесь, неизвестный читатель записки, возможно, Милютин, карандашом дописал: «Дон-Кор» - В.А.). Далее в записке утверждается, что правительственные распоряжения вызывают, «если не порицание, то критику, принимающую даже характер оппозиции, самым крайним проявлением которой суть мечтания некоторых горячих молодых голов об автономии Донского края». К числу таких оппонентов Мезенцев отнес и некоторых землевладельцев, «сожалеющих об утраченном произволе, вследствие крестьянской реформы». Другая партия, по словам Мезенцева, «малочисленна и не представляет общественного мнения». Ее члены поддерживают мероприятия правительства, направленные «на увеличение богатства края в нравственном и материальном отношениях», но не верят в успех его «инициатив в расширении прав гражданских». В целом, заключает Мезенцев, казачество «верноподданнически любит Государя», а «относительно либеральных противоправительственных идей, то в Донском крае нравственная почва неудобна к их развитию» [61].

Письмо С.С. Робуша – директора народных училищ ЗвД – к уже бывшему атаману датируется 8 февраля 1863 года. Одновременно в нем можно увидеть и донос, и оправдание, и беспокойство за положение дел в крае:

«Правительство думает, что на Дону образовались какие-то партии: их здесь нет; есть только ничтожная партия дундукова (так в тексте – В.А.), которая осмеливается в Донских ведомостях развивать идеи своего покровителя. В четвертом номере этих ведомостей помещена статья ...ова, весьма оскорбительная для иногородних; в статье этой есть целые выражения Дундуковские. Сами донцы оскорбились этою статьей, которая действительно может дать повод Правительству думать, что на Дону неспокойно. Хотя я далек от всех здешних вопросов, но я знаю, подобного рода статьи могут иметь неблагоприятное действие в неразвитом классе, а потому я просил бы Ваше Высокопревосходительство посоветовать бы кому-нибудь, чтобы донские ведомости издавались более осмотрительно» [62].

Содержание данных документов, несомненно, было известно и другим представителям военных, придворных и пр. кругов высшего столичного общества. О чем «правительство думает» по поводу донских событий и как эти мысли соотносятся с местным взглядом на происходящее, отметил в своих записках Ф.А. Оом, наставник и «дорожный секретарь» цесаревича Николая Александровича, который также как и Бабст с Победоносцевым, сопровождал наследника в его путешествии по России в 1863 г. Ф.А. Оом писал, что из-за польского восстания: «...слухи до нас доходившие были весьма тревожны. Опасались войны... В тоже время говорилось в Петербурге также о стремлении Донских казаков к автономии и даже независимости. В Новочеркасске же услышали мы совсем иное. Все казаки твердили в один голос, что это клевета, что слух этот был поднят и распространён лицом, которое для приобретения большего веса в столице и в глазах Государя, и для скорейшего достижения цели, т.е. назначения наказным атаманом, сбивал с толку казаков, обнадеживая их разными инсинуациями и в тоже время доносил в Петербург о мнимых

волнениях в населении ЗвД и предлагал советы свои для успокоения умов. Это был бывший начальник штаба войска... Но его отозвали в Петербург, и все толки улеглись при начальнике, каков был генерал Граббе...» [63].

Николай Александрович находился на Дону 10 дней. За это время Бабст, Победоносцев и Оом, в силу возложенных на них поручений и обязанностей, общались со многими местными должностными, и не только, лицами. Среди «твердящих в один голос», возможно, был и С.С. Робуш. Наследник престола почти целый день (10 августа) выделил для посещения образовательных учреждений Новочеркасска [64], а С.С. Робуш как директор народных училищ вряд ли упустил шанс лично засвидетельствовать свое почтение высочайшей особе и его спутникам. И уж совершенно точно, в числе тех, с кем плотно познакомились путешествуя, находился инженер В.А. Панаев. И если Оома, в первую очередь, поразили маленькие дочери-красавицы Панаева [65], то на Бабста и Победоносцева большое впечатление произвели беседы «со строителями Грушевской железной дороги», которые «остались в памяти нашей надолго». Итогом таких бесед стало их оценочное суждение о противниках железной дороги как о «партии, противодействующей всем реформам и нововведениям... и, к сожалению пустившей на Дону корни, породе дешевых либералов, кричащих о самоуправлении, о каком-то федеративном начале, всякого иногородца называющих сипою и т.д., и думающих, что тогда только и будет благо на Дону, когда последний иногородний оставит Дон» [66].

Среди «голосов» очевидцев и воспоминаний современников, в целом выставяющих Дондукова-Корсакова в невыгодном свете и, вероятно, предвзятых, только статья А. Карасева «Бунт на Дону» (1900 г.), пожалуй, отражает как бы взгляд изнутри, взгляд, если не сторонника князя, то лица, прямо причисляющего себя к «казакоманам». По версии Карасева, изложенной спустя почти 40 лет, события 1862–1863 гг. выглядят следующим образом.

Уже с начала 1862 г. в Новочеркасске «громко трактовали об ожидаемом нарушении казачьих привилегий». Здесь напомним, что именно в этот период Дондуков-Корсаков возвращается на Дон и, возможно, распространяет свою «Записку о войске Донском». Далее, Карасев утверждает, что местное общество разделилось на две партии: первая по численности – партия «казакоманов», с примкнувшей к ней «молодой интеллигенцией», вторая – выступала «за казачье раскрепощение и за уничтожение «китайской стены», охранявшей донское войско от вторжения туда иногороднего элемента». Главная же идея «казакоманской» партии, по мнению Карасева, заключалась в оценке обязательной казачьей службы за свой счет как привилегии, а ее уничтожение рассматривалось как «попрание исторических прав народа». При этом войсковые ведомости стали своеобразным рупором «казакоманов», которые принялись на его страницах «с яростью» защищать традиционные ценности казачества. Карасев признается, что не помнит, когда именно на Дон поступили министерские «соображения». Кроме того, лично он «соображения» «никогда не читал, но слышал от других», что намечается «значительную часть казачьего сословия, чуть ли не половину, обратить в «гражданское» состояние». Планы Военного министерства вызвали «необыкновенный гвалт в среде «казакоманов», «загалдели» и в станицах. Как считает Карасев, Дондуков-Корсаков полностью разделил мнение «казакоманов». В отправленном в министерство ответе на «соображения», уже после отъезда М.Г. Хомутова в Санкт-Петербург, Дондуков-Корсаков предупредил власти о том, что на Дону проект предполагаемых реформ встречен «очень неприветливо», в нем видят нарушение казачьих прав и привилегий, а сам князь предпринял все меры для упокоения донского населения. Карасев предположил, что ответ Дондукова-Корсакова был передан на заключение Хомутова, а т.к. у последнего были «старые счеты» с князем, то «он поспешил наложить руку на этот ответ, выставив его, как интригу против министерства, как угрозу правительству бунтом в крае... И дело князя Дондукова пошатнулось». Прибывший на Дон новый атаман П.Х. Граббе почти сразу попал под «чары» князя и «стал смотреть на дела его глазами». Несмотря на то, что осенью 1862 г. был получен приказ о зачислении Дондукова-Корсакова в армейскую кавалерию, «местные правящие умы» решили, что князь должен исполнять обязанности начальника штаба до назначения на его место нового лица. Это позволило князю продолжать подписывать многие официальные документы, в том числе, отправляемые и в Военное министерство. Как пишет, затем, Карасев: «В след за

удивлением в Петербурге, как рассказывали в то время, последовало опасение, что князь, пользуясь слабостью атамана и опираясь на «казакоманов» и всех тех, кто враждебно смотрел на проект о «гражданских» казаках, решился не слушать приказаний свыше и поднять на Дону тревогу, взбунтовать население в ту пору, когда польское восстание еще не было подавлено, а влиятельные русские газеты заговорили о стремлении русских окраин к «сепаратизму». Бывший атаман Хомутов, вероятно, не противоречил такому мнению» [67].

Собственно этим «опасением» и был обусловлено появление на Дону Орлова-Денисова, которого обязали наблюдать за немедленным отъездом Дондукова-Корсакова из ЗвД.

Употребление Карасевым фразы «как рассказывали... князь... решился... поднять на Дону тревогу, взбунтовать население» делает его статью эксклюзивной на начало XX в. и одновременно ставит, по крайней мере, два исследовательских вопроса: так ли это и способен ли был Дондуков-Корсаков «взбунтовать население». Что касается первого вопроса, то, казалось бы, со всей очевидностью можно усомниться в осведомленности, тогда 29-летнего провинциального чиновника Карасева со сплетнями и слухами, циркулирующими в столичных кругах, в их первоизданном, так сказать, виде; а саму фразу, списать на творческую фантазию уже 66-летнего, и теперь маститого донского журналиста и общественного деятеля Карасева, являвшегося на рубеже XIX-XX вв., по признанию многих, «живой летописью края, его энциклопедией». Тем более, что основой для отсылки к слухам 1862–1863 гг. могло стать расширительное или вольное истолкование Карасевым слов Оома («говорилось в Петербурге также о стремлении Донских казаков к автономии и даже независимости»), которые вполне могли врезаться в его память, после прочтения записок Оома, опубликованных в 1896 г. С чем не мог быть знаком Карасев в момент написания своей статьи, так это с мемуарами А.И. Дельвига, издававшимися с 1912 г. В них А.И. Дельвиг, в 60-х гг. XIX в. главный инспектор и начальник железных дорог России, упоминает о своей поездке в ЗвД в 1863 г. по просьбе Д.А. Милютина для решения конфликтных ситуаций между казаками и железнодорожниками. Как утверждает Дельвиг, в его личной беседе с Милютиным последний допустил такое выражение: «...не посылать же войска для усмирения казаков особливо в то время, когда от них требуется присылка полков для усмирения царства Польского и наших западных губерний» [68]. Но главное, Дельвиг указывает на теплые и дружеские отношения Панаева и Хомутова, а также на критические замечания Граббе в адрес строительства железной дороги, «внушенные» ему Дондуковым-Корсаковым. Обо всем этом Дельвиг узнал из бесед с Панаевым, который к тому же полагал, что «меры Дондукова могли иметь последствием восстание казаков» [69]. Таким образом, если свести воедино подозрения Карасева в сторону Хомутова и его действий против Дондукова-Корсакова с неоднократными «антидондуковскими» высказываниями Панаева, являвшегося для многих важным источником информации о происходящем на Дону, и скрепить все это искренней и неподдельной дружбой бывшего атамана и инженера, то вполне можно выдвинуть следующее предположение. Именно Хомутов и Панаев стояли за слухами и интригами в Петербурге против Дондукова-Корсакова, каждый по своим причинам желая его удаления с Дона, при этом находя поддержку у военного министра Милютина. Ответ на второй вопрос будет еще более гипотетичным. Как нам представляется, Дондукову-Корсакову после неудачи с декабрьской запиской 1861 г. было выгодно создать впечатление об угрозе беспорядков на Дону, в тоже время, выдавая себя за знатока местной специфики, способного удержать контроль над ситуацией. Князь, вероятно, надеялся так разыграть «казакоманскую» карту, чтобы результат от рискованной партии достался ему в виде атаманской должности. Несмотря на отсутствие достоверных свидетельств в пользу нашей убежденности в разыгрывании Дондуковым-Корсаковым «казакоманской» карты в своих интересах, мы, опираясь на косвенные данные, все же считаем возможным настаивать именно на таком варианте событий. Так, упомянутое нами ранее мнение генерала П.Д. Зотова о способностях Дондукова-Корсакова «интриговать» и вести закулисную борьбу подтверждается другими источниками. В нач. XX в. П.Н. Милюков, исследуя деятельность Дондукова-Корсакова в качестве императорского российского комиссара в Болгарии в 1879–1880 гг., утверждал, что князь «сам имел весьма определенные виды на болгарский престол и делал все, чтобы заслужить себе широкую популярность и подготовить, таким образом, свое избрание». Правда, другой известный специалист по русско-турецкой войне 1877–

1878 г. Н.Р. Овсяный с такой оценкой роли Дондукова-Корсакова в послевоенном устройстве Болгарии был категорически не согласен [70]. Современный российский историк А.А. Миллер, анализируя отношение Дондукова-Корсакова как генерал-губернатора Юго-Западного края к «украинофильству», пришел к убедительным выводам о том, что Дондуков-Корсаков вел тонкую политическую игру с украинофилами, имея свое видение роли и значения этого движения, отчасти несовпадающее с доминирующим правительственным взглядом на «украинофильство» [71].

Что касается донской, почти карточной «партии» Дондукова-Корсакова, то значительная роль в ней отводилась местной печати, в лице единственной официальной газеты «Донские войсковые ведомости» и неофициальной – «Будильник». В октябре 1862 г. Дондуков-Корсаков подает в Военное министерство рапорт с проектом нового положения и штатами редакции газеты и войсковой типографии. Князь просил увеличить материальные средства, выделяемые газете, а также «расширить программу ведомостей за счет статей литературного содержания, касающихся военного и домашнего быта казаков» [72]. Дондуков-Корсаков аргументировал свою просьбу тем, что, по его мнению, «Донской край, по особенностям своей истории, своих учреждений, нравов и обычаев народных, вовсе не похож на остальные области или губернии Империи и потому газета, долженствующая отражать все эти особенности..., не может быть стеснена рамками губернских ведомостей» [73]. Появление рапорта в октябре 1862 г. после поражения Дондукова-Корсакова в борьбе за атаманство и на фоне уже всюду ведущихся дискуссий на страницах ведомостей и даже центральных изданий между сторонниками и противниками казачьих преобразований выглядит, на первый взгляд, как некая благодарность напоследок со стороны князя местному пишущему сообществу, часть которого публично разделила и поддержала его идеи, высказанные в «Записке о Войске Донском». Таким образом, мы переходим к решению второй задачи статьи - анализу печатной полемики, развернувшейся преимущественно в донских ведомостях по актуальным вопросам казачьей жизни и планируемым реформам в 1860-х гг., для уточнения идейной основы «казакоманства» и определения его характера.

Вернувшись к вопросу об оценке роли Дондукова-Корсакова в «пробуждении» Дона, в образовании «партий» и общественной активности нач. 1860-х гг. заметим, что рассмотренные нами источники могут показаться не столь убедительными, для того чтобы закрыть его окончательно. Однако мы все же считаем, что эта роль была значительна и в этом смысле присоединяемся к точке зрения Оома [74] и Карасева [75], которые напрямую увязывали умиротворение казачества с удалением князя с Донской земли. Как утверждал А.А. Карасев, с отъездом князя «собственно говоря, и окончился бунт на Дону». А сам отъезд настолько колоритен в карасевском описании, что достоин обильного цитирования:

«...весь Новочеркасск собрался к его (Дондукова-Корсакова – В.А.) квартире на проводы. Около 50 саней перегородили всю Атаманскую улицу близ Александровского сада, у дома Ломовцова. Когда, после легкой закуски и выпивки, провожавшие стали выходить из квартиры князя, чтобы усаживаться в свои сани, только тогда граф Орлов-Денисов, все время дожидавшийся в экипаже... выезда князя, пустился вперед, по направлению к Москве, не оставляя князя позади себя более чем на одну почтовую станцию. Вереница саней двинулась за Дондуковым из Новочеркаска до первой, Кадамовской, почтовой станции, где ожидал всех прощальный завтрак. Вина: донские разных сортов и названий, шампанское, венгерское и любимое князем кахетинское, вскоре образовали опьяневшую компанию, кричавшую разные приветствия отъезжающему сотней голосов. Объятиям и поцелуям не было конца. Наконец, после долгих затруднений, растались... Как теперь вижу группы пассажиров, совместно с которыми я возвращался с Кадамовской станции: одни, раскачиваясь в санях, плакали, другие, в слезах, причитывали словно по умершем, третьи преодолеваемые тошнотой, выливали на дорогу то, что было сверх меры выпито на проводах, четвертые кричали во все горло на ямщиков и лошадей, требуя от распорядителей вина, чтобы погладить и без того уже выглаженную дорогу отъехавшему начальнику. Мне много раз приходилось в жизни присутствовать при овациях и чествованиях разных лиц, но никогда не видел я такой степени воодушевления, непритворного горя и искренней привязанности, какие были во время проводов князя Дондукова» [76].

Примечания:

1. Корниенко Б.С. Правый Дон: казаки и идеология национализма. СПб., 2013.
2. Маркедонов С.М. Зарождение и эволюция казачьего национализма // Межнациональные отношения сегодня. Ростов-н/Д., Тбилиси, 1996. С. 76–83.
3. Мининков Н.А. Практики историописания и зарождение исторической науки в культуре Дона первой половины XIX века // Терминология исторической науки. Историописание. М., 2010. С. 266–285
4. Коршиков Н.С. «Литературные собрания» Сухорукова. Публикация А. И. Агафонова // Донской временник. 2005. Ростов-на-Дону, 2004. С. 31–37.
5. Краснов И. Беспоместные и мелкопоместные чиновники Войска Донского // Русский вестник. 1865. № 58. С. 340–341.
6. Краснов И. По вопросу об образовании офицеров Донских полков // Военный сборник. 1866. № 4. С. 309–316.
7. Государственный архив Ростовской области (далее – ГАРО). Ф. 55. Оп. 1. Д. 200. Л.10 об.
8. Савелов Л. М. Донские дворянские роды. М., 1902. Вып. 1. С. 77–78.
9. Краснов Н.И. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального Штаба. Земля войска Донского. СПб., 1863. С. 402.
10. К. Несколько слов о донских казаках и их образованности // Русский инвалид. 1860. № 77 (12 апреля).
11. Краснов Н.И. Материалы для географии и статистики России... С. 403.
12. Чеботарев А.П. Дон и донцы в прежнее и настоящее время 1851 и 1877 гг. // Русская старина. 1879. Т. 25. С. 179.
13. Робуш С. О народном образовании в войске Донском // Труды донского войскового статистического комитета. Новочеркасск, 1867. Вып. 1. С. 128–130.
14. Внутренние известия. Новочеркасск // Русский инвалид. 1861. № 68. (25 марта).
15. Карасев А.А. Бунт на Дону в 1862–1863 годах // Исторический вестник. 1900. № 80. С. 167.
16. Волвенко А.А. Донское казачество в правительственной политике эпохи «Великих реформ» (1860–1870-е гг.) // Известия Самарского научного центра Российской академии наук, 2014. Т. 16. № 3. С. 16–17.
17. Письма о путешествии государя наследника цесаревича по России от Петербурга до Крыма. М., 1864. С. 526–528.
18. Геллнер Э. Пришествие национализма. Мифы нации и класса // Нации и национализм. М., 2002. С. 190.
19. Воспоминания генерал-фельдмаршала гр. Д.А. Милютина. 1860–1862. М., 1999. С.377.
20. Мои воспоминания. 1840–1844 гг. Князя Дондукова-Корсакова // Старина и новизна. СПб., 1902. Кн.5. С.205.
21. Воспоминания В.А. Панаева // Русская старина. 1902. Т. 112. Вып. 10–12. С.533.
22. Из воспоминаний князя А.М. Дондукова-Корсакова // Старина и новизна. СПб., 1904. Кн. 7. С. 9–10.
23. Мои воспоминания. 1840–1844 гг. Князя Дондукова-Корсакова // Старина и новизна. СПб., 1902. Кн. 5. С. 166, 191–192.
24. Карасев А.А. Бунт на Дону в 1862–1863 годах... С. 168.
25. Воспоминания В.А. Панаева // Русская старина. 1902. Т. 111. Вып. 7–9. С. 560.
26. Воспоминания генерал-фельдмаршала гр. Д.А. Милютина. 1868 – начало 1873. М., 2006. С. 149.
27. Карасев А.А. Записка князя А.М. Дондукова-Корсакова о Земле войска Донского // Русский архив. 1896. Т. 91. С. 569.
28. Род князей Дондуковых Корсаковых. Тифлис, 1886.
29. Рыблова М.А. Образы «своих» и «чужих» в процессах социокультурных трансформаций на Дону // Материалы Фелицинских чтений 2007 г. Краснодар, 2007. С. 9–15.
30. Мои воспоминания. 1840–1844 гг. Князя Дондукова-Корсакова // Старина и новизна. СПб., 1902. Кн. 5. С. 161.
31. Дюма А. Кавказ. Тбилиси, 1988. С.133, 165 и др.
32. Муханов В.М. наброски к портрету генерала Н.И. Евдокимова // Кавказский сборник. Т. 5 (37). М., 2008. С. 156.
33. Карасев А.А. Бунт на Дону... С. 167–174.
34. А.К. Фельетон. Михаил Григорьевич Хомутов (воспоминания) // Приазовский край. 1893. № 300.
35. Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 932. Оп. 1. Д. 470. Л. 32.
36. Волвенко А.А. Донское казачество в правительственной политике эпохи «Великих реформ»... С. 13–14.

37. Ст. По поводу открытия комитетов для пересмотра положений в казачьих войсках// Военный сборник. 1861. № 1. С. 202–203, 207.
38. Военный сборник. 1863. № 9. С. 1–4.
39. Королев В.Н. Библиотеки и чтение на Дону до 1861 г. // Донской временник, 2003. URL: http://www.donvrem.dspl.ru/Files/article/m16/1/art.aspx?art_id=280 (дата обращения: 12.01.2015).
40. ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 1499. Л. 24–25.
41. Государственный архив Ставропольского края (далее–ГАСК). Ф. 377. Оп. 1. Д. 7. Л. 187об.
42. Карасев А.А. Записка князя А.М. Дондукова-Корсакова о Земле войска Донского... С. 570.
43. Мои воспоминания. 1840–1844 гг. Князя Дондукова-Корсакова // Старина и новизна. СПб., 1902. Кн. 5. С. 192–193
44. Там же. С. 193.
45. РГИА. Ф. 932. Оп. 1. Д. 115. Лл. 2–29.
46. Там же. Л. 1.
47. Волвенко А.А. Программа гражданского курса Военного министерства в отношении казачьих войск (1860-е гг. // Научное наследие профессора А.П. Пронштейна и актуальные проблемы развития исторической науки (к 95-летию со дня рождения выдающегося российского ученого). Ростов н/Д., 2014. С. 73–79.
48. Карасев А.А. Записка князя А.М. Дондукова-Корсакова о Земле войска Донского... С. 570.
49. РГИА. Ф. 932. Оп. 1. Д. 121. Л. 2.
50. Воспоминания В.А. Панаева // Русская старина. 1903. Т. 113. Вып. 1–3. С. 149.
51. Карасев А.А. Записка князя А.М. Дондукова-Корсакова о Земле войска Донского... С. 571.
52. ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 955. Лл. 65об.–82об.
53. Сватиков С.Г. Россия и Дон. 1549–1917. Белград, 1924. С. 342, 344–345.
54. РГИА. Ф. 932. Оп. 1. Д. 113, 119, 121, 470.
55. Там же. Ф. 932. Оп. 1. Д. 113. Л. 7–14об.
56. Русский биографический словарь. СПб., 1914. Т. 10. С. 146.
57. Донские войсковые ведомости. 1863. № 9.
58. Милютин Д.А. Воспоминания. 1860–1862. М., 1999. С. 376–377.
59. Воспоминания В.А. Панаева // Русская старина. 1903. Т. 113. Вып. 1–3. С. 149–150.
60. Воспоминания В.А. Панаева // Русская старина. 1902. Т. 112. Вып. 10–12. С. 544–545.
61. Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (далее–ОР РГБ). Ф. 169. Карт. 62. Ед. х. 32. Лл. 29–32.
62. Там же. Л. 28–28об.
63. Воспоминания Федора Адольфовича Оома // Русский архив. 1896. Кн. 2. С. 446.
64. Письма о путешествии государя наследника цесаревича по России от Петербурга до Крыма... С. 510–521.
65. Воспоминания Федора Адольфовича Оома... С. 446.
66. Письма о путешествии государя наследника цесаревича по России от Петербурга до Крыма... С. 542, 544.
67. Карасев А.А. Бунт на Дону в 1862–1863 годах.... С. 170-171.
68. Полвека русской жизни. Воспоминания А.И. Дельвига. 1820–1870. М., 1935. Т. 2. С. 214.
69. Там же. С. 218
70. Овсяный Н.Р. Русское управление в Болгарии в 1877–78–79 гг. СПб., 1906. Ч. 2. С. 155–161.
71. Миллер А.И. «Украинский вопрос» в политике властей и русском общественном мнении (вторая половина XIX века). СПб., 2001. С. 156, 157, 160 и т.д.
72. Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 30. Оп. 6. Д. 148. Л. 3–3об.
73. Там же.
74. Воспоминания Федора Адольфовича Оома... С. 446.
75. Карасев А.А. Бунт на Дону... С. 172.
76. Там же.

References:

1. Kornienko B.S. Pravyi Don: kazaki i ideologiya natsionalizma. SPb., 2013.
2. Markedonov S.M. Zarozhdenie i evolyutsiya kazach'ego natsionalizma // Mezhnatsional'nye otnosheniya segodnya. Rostov-n/D., Tbilisi, 1996. S. 76-83.
3. Mininkov N.A. Praktiki istoriopisaniya i zarozhdenie istoricheskoi nauki v kul'ture Dona pervoi poloviny XIX veka // Terminologiya istoricheskoi nauki. Istoriopisaniye. M., 2010. S.266-285
4. Korshikov N.S. «Literaturnye sobraniya» Sukhorukova. Publikatsiya A. I. Agafonova // Donskoy vremennik. 2005. Rostov-na-Donu, 2004. S. 31-37.
5. Krasnov I. Bepomestnye i melkopomestnye chinovniki Voyska Donskogo// Russkiy vestnik, 1865. №58. S. 340-341.

6. Krasnov I. Po voprosu ob obrazovanii ofitserov Donskikh polkov // Voennyi sbornik, 1866. №4. S. 309-316.
7. Gosudarstvennyi arkhiv Rostovskoi oblasti (dalee - GARO). F.55. Op.1. D.200. L.100b.
8. Savelov L. M. Donskie dvoryanskie rody. M., 1902. Vyp.1. S. 77-78.
9. Krasnov N.I. Materialy dlya geografii i statistiki Rossii, sobrannye ofitserami General'nogo Shtaba. Zemlya voiska Donskogo. SPb., 1863. S.402.
10. K. Neskol'ko slov o donskikh kazakakh i ikh obrazovannosti// Russkii invalid, 1860. №77 (12 aprelya).
11. Krasnov N.I. Materialy dlya geografii i statistiki Rossii... S. 403
12. Chebotarev A.P. Don i dontsy v prezhnee i nastoyashchee vremya 1851 i 1877 gg. // Russkaya starina, 1879. T.25. S. 179.
13. Robush S. O narodnom obrazovanii v voyske Donskom // Trudy donskogo voyskovogo statisticheskogo komiteta. Novocherkassk, 1867. Vyp.1. S. 128-130
14. Vnutrennie izvestiya. Novocherkassk // Russkii invalid, 1861. №68. (25 marta)
15. Karasev A.A. Bunt na Donu v 1862-1863 godakh // Istoricheskii vestnik, 1900. №80. S. 167
16. Volvenko A.A. Donskoe kazachestvo v pravitel'stvennoy politike epokhi «Velikikh reform» (1860-1870-e gg.) // Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiyskoi akademii nauk, 2014. T. 16. №3. S. 16-17.
17. Pis'ma o puteshestvii gosudarya naslednika tsesarevicha po Rossii ot Peterburga do Kryma. M., 1864. S.526-528
18. Gellner E. Prishestvie natsionalizma. Mify natsii i klassa// Natsii i natsionalizm. M., 2002. S.190.
19. Vospominaniya general-fel'dmarshala gr. D.A. Milyutina. 1860-1862. M., 1999. S.377.
20. Moi vospominaniya. 1840-1844 gg. Knyazya Dondukova-Korsakova // Starina i novizna. SPb., 1902. Kn.5. S. 205.
21. Vospominaniya V.A. Panaeva // Russkaya starina, 1902. T.112. Vyp.10-12. S. 533.
22. Iz vospominanii knyazya A.M. Dondukova-Korsakova // Starina i novizna. SPb., 1904. Kn.7. S. 9-10.
23. Moi vospominaniya. 1840-1844 gg. Knyazya Dondukova-Korsakova // Starina i novizna. SPb., 1902. Kn.5. S. 166, 191-192.
24. Karasev A.A. Bunt na Donu v 1862-1863 godakh... S.168.
25. Vospominaniya V.A. Panaeva // Russkaya starina, 1902. T.111. Vyp. 7-9. S.560
26. Vospominaniya general-fel'dmarshala gr. D.A. Milyutina. 1868 – nachalo 1873. M., 2006. S.149.
27. Karasev A.A. Zapiska knyazya A.M. Dondukova-Korsakova o Zemle voiska Donskogo // Russkii arkhiv, 1896. T.91. S. 569.
28. Rod knyazei Dondukovykh Korsakovykh. Tiflis, 1886.
29. Ryblova M.A. Obrazy «svoikh» i «chuzhikh» v protsessakh sotsiokul'turnykh transformatsii na Donu // Materialy Felitsinskikh chtenii 2007 g. Krasnodar, 2007. C. 9-15.
30. Moi vospominaniya. 1840-1844 gg. Knyazya Dondukova-Korsakova // Starina i novizna. SPb., 1902. Kn.5. S.161.
31. Dyuma A. Kavkaz. Tbilisi, 1988. S. 133, 165 i dr.
32. Mukhanov V.M. Nabroski k portretu generala N.I. Evdokimova // Kavkazskii sbornik. T.5 (37). M., 2008. S. 156.
33. Karasev A.A. Bunt na Donu... S. 167-174
34. A.K. Fel'yeton. Mikhail Grigor'yevich Khomutov (vospominaniya) // Priazovskii kray, 1893. №300.
35. Rossiyskiy gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv (dalee - RGIA). F.932. Op.1. D. 470. L.32.
36. Volvenko A.A. Donskoe kazachestvo v pravitel'stvennoi politike epokhi «Velikikh reform»... S. 13-14.
37. St. Po povodu otkrytiya komitetov dlya peresmotra polozhenii v kazach'ikh voyskakh// Voennyi sbornik, 1861. №1. S.202-203, 207.
38. Voennyi sbornik, 1863. №9. S.1-4.
39. Korolev V.N. Biblioteki i chtenie na Donu do 1861 g. // Donskoy vremennik, 2003 - http://www.donvrem.dspl.ru/Files/article/m16/1/art.aspx?art_id=280
40. GARO. F.55. Op.1. D.1499. L.24-25.
41. Gosudarstvennyi arkhiv Stavropol'skogo kraja (dalee - GASK). F.377. Op.1. D.7. L.1870b.
42. Karasev A.A. Zapiska knyazya A.M. Dondukova-Korsakova o Zemle voiska Donskogo... S.570.
43. Moi vospominaniya. 1840-1844 gg. Knyazya Dondukova-Korsakova// Starina i novizna. SPb., 1902. Kn.5. S.192-193
44. Tam zhe. S.193
45. RGIA. F.932. Op.1. D.115. Ll.2-29
46. Tam zhe. L.1.
47. Volvenko A.A. Programma grazhdanskogo kursa Voennogo ministerstva v otnoshenii kazach'ikh voysk (1860-e gg.)// Nauchnoe nasledie professora A.P. Pronshteyna i aktual'nye problemy razvitiya

- istoricheskoy nauki (k 95-letiyu so dnya rozhdeniya vydayushchegosya rossiyskogo uchenogo). Rostov-na-Donu, 2014. S.73-79.
48. Karasev A.A. Zapiska knyazya A.M. Dondukova-Korsakova o Zemle voyska Donskogo... S.570.
 49. RGIA. F.932. Op.1. D.121. L.2.
 50. Vospominaniya V.A. Panaeva// Russkaya starina, 1903. T.113. Vyp. 1-3. S.149.
 51. Karasev A.A. Zapiska knyazya A.M. Dondukova-Korsakova o Zemle voyska Donskogo... S.571.
 52. GARO. F.55. Op.1. D.955. Ll.65ob.-82ob.
 53. Svatikov S.G. Rossiya i Don. 1549-1917. Belgrad, 1924. S.342, 344-345.
 54. RGIA. F.932. Op.1. D.113,119,121,470.
 55. Tam zhe. F.932. Op.1. D.113. L.7-14ob.
 56. Russkii biograficheskii slovar'. SPb., 1914. T.10. S.146.
 57. Donskie voyskovye vedomosti, 1863. №9.
 58. Milyutin D.A. Vospominaniya. 1860-1862. M.,1999. S.376-377.
 59. Vospominaniya V.A. Panaeva// Russkaya starina,1903. T.113. Vyp. 1-3. S.149-150
 60. Vospominaniya V.A. Panaeva// Russkaya starina, 1902. T.112. Vyp. 10-12. S. 544-545.
 61. Otdel rukopisei Rossiyskoi gosudarstvennoi biblioteki (dalee - OR RGB). F.169. Kart.62. Ed. kh. 32. Ll.29-32.
 62. Tam zhe. L. 28-28ob.
 63. Vospominaniya Fedora Adol'fovicha Ooma //Russkiy arkhiv, 1896. Kn.2. S.446
 64. Pis'ma o puteshestvii gosudarya naslednika tsesarevicha po Rossii ot Peterburga do Kryma... S. 510-521.
 65. Vospominaniya Fedora Adol'fovicha Ooma... S. 446.
 66. Pis'ma o puteshestvii gosudarya naslednika tsesarevicha po Rossii ot Peterburga do Kryma... S. 542, 544.
 67. Karasev A.A. Bunt na Donu v 1862-1863 godakh.... S. 170-171.
 68. Polveka russkoy zhizni. Vospominaniya A.I. Del'viga. 1820-1870. M., 1935. T.2. S. 214.
 69. Tam zhe. S.218
 70. Ovsyanyi N.R. Russkoe upravlenie v Bolgarii v 1877-78-79 gg. SPb., 1906. Ch.2. S. 155-161.
 71. Miller A.I. «Ukrainskii vopros» v politike vlastei i russkom obshchestvennom mnenii (vtoraya polovina XIX veka). SPb., S. 156, 157, 160 i t.d.
 72. Rossiyskii gosudarstvennyi voenno-istoricheskii arkhiv. F.30. Op.6. D.148. L.3-3ob.
 73. Tam zhe.
 74. Vospominaniya Fedora Adol'fovicha Ooma... S. 446
 75. Karasev A.A. Bunt na Donu... S. 172.
 76. Tam zhe.

УДК 947

Казакманство. Донской случай (1860-е гг.). Часть I.

Алексей Александрович Волвенко

Таганрогский институт имени А.П. Чехова (филиал) Ростовского государственного экономического университета (РИНХ), Российская Федерация
Кандидат исторический наук, доцент
E-mail: avolvenko@mail.ru

Аннотация. В статье анализируется общественно-политическая ситуация на территории войска Донского в нач. 1860-х годов. Отмечается вклад кн. А.М. Дондукова-Корсакова начальника штаба войска Донского в формирование казакманской «партии» на Дону.

Ключевые слова. Донское казачество; казакманство; кн. А.М. Дондуков-Корсаков; «Записка о войске Донском»; «партии» на Дону.